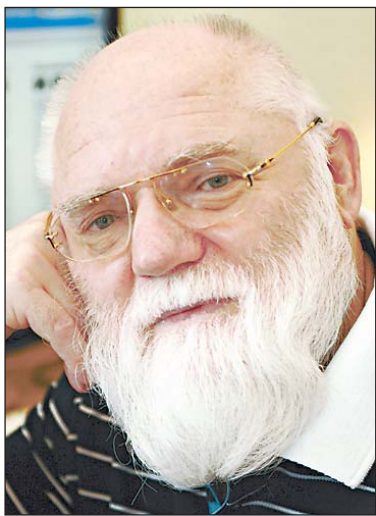

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ КАПИЦА, СЫН ВЕЛИКОГО

Виктор Слипенчук

Виктор Трифонович СЛИПЕНЧУК постоянным читателем «АН» известен хорошо. Замечательный писатель и поэт, наш постоянный автор и друг редакции. Про таких говорят – мудрец. На своём богатом на события жизненном пути он встречал множество интересных людей. Сегодня, накануне 85-летия великого учёного Андрея Петровича Капицы, Виктор Трифонович рассказывает о своих с ним встречах.

Знаменитого советского и российского географа, декана географического факультета МГУ нет с нами уже пять лет. Но дела его живут и здравствуют поныне. Об этом наш рассказ.

Учитель

Меня вызвал главный редактор Барнаульской телестудии и спросил:

– Фамилия Капица тебе что-нибудь говорит?

Главный редактор всех на студии называл на «ты», потому что был секретарём парторганизации, так сказать, нашим идейным вождём. Все тележурналисты уважали его за прямоту суждений.

– Капица?! Есть такой писатель в Киеве, – сказал я.

– Надо же, никто ничего не знает?! Капица учёный, декан географического факультета МГУ. Сделал какие-то крупные научные открытия в Антарктиде.

– Знаю физика Петра Леонидовича Капицу. Один из самых талантливых учеников Эрнеста Резерфорда. Когда Капица вернулся в Россию после учёбы в Англии, Резерфорд в качестве царского подарка прислал его уникальную лабораторию. Капица собрал вокруг себя молодых учёных-атомщиков, и занялся сверхтекучестью жидкого гелия. А когда попал в опалу к Берии, то ученики в карманах перенесли к нему на дачу всю лабораторию, чтобы он не прерывал своих уникальных опытов, – торопясь тараторил я. Мне не хотелось быть одним из тех, кто ничего не знает.

– Предполагаю, – прервал меня главный редактор, – этот молодой учёный-географ – его сын. Мне намекнули (главред красноречиво указал глазами на потолок, что означало – в крайкоме КПСС), он – сын засекреченного физика.

Главный редактор помолчал, а потом многозначительно изрёк:

– В опалу?! Поэтому-то никто из нормальных людей о нём ничего не слышал. В общем, так – встретишься с учёным, возьмёшь у него текст выступления для ЛИТО (цензора. – Прим. автора). Отредактируешь и вместе с Капицей – в промышленную редакцию. Задание партии – прямо сейчас езжай в гостиницу, а я позвоню в крайком. Эфир сегодня ровно в 20:00.

Я летел на встречу с Андреем Петровичем как на крыльях. И тому были причины. Всюду в среде интеллигенции тогда вёлся спор: кто важнее – лирики или физики? И хотя я считал

себя литератором, под впечатлением недавно прочитанной книги Роберта Юнга «Ярче тысячи солнц» об учёных-ядерщиках отдавал пальму первенства физикам. Именно из книги узнал о Петре Леонидовиче Капице, отце Андрея Петровича. Волновался. Мысли прыгали, насккивали одна на другую. И всякий раз возвращали к неумёмной радости – еду на встречу с необыкновенным человеком! Какая хорошая у меня работа!

Мне открыл сам Андрей Петрович. Трудно было ошибиться. Рослый (под метр девяносто), крепкий, плотно сбитый. Лицо слегка удлинённое, лоб высокий, волосы чёрные, глаза карие, все черты лица крупные и соразмерные, таящие суровость и благородство. Воистину природа не поскупилась и вылепила яркий запоминающийся образ путешественника. Отчётливо помню мысль – у этого человека должно быть много тайных завистников и даже недоброжелателей.

Пропуская меня в кабинет, спросил:

– Ваша цель приезда?

– Я должен взять у вас текст выступления.

– Но мне для выступления текст не нужен. Я буду комментировать пятнадцатиминутный любительский фильм о работе нашей экспедиции в Антарктике. И ещё – сообщу адрес и возможности поступления абитуриентов к нам в МГУ на географический факультет.

– Текст нужен не нам, текст нужен для ЛИТО, – сказал я и почувствовал всю унижительность и нелепость ситуации, какое-то людоедское недоверие партбюрократии к своим советским гражданам.

В самом деле, какая может быть цензура для путешественника, учёного, исследующего неизведанный континент и уже этим славящего в мировом масштабе нашу Советскую Науку?! Мне было стыдно.

Андрей Петрович, наверное, почувствовал моё смущение, спросил:

– Вы давно писали диктант?

Андрей Петрович пригласил меня к письменному столу и, расхаживая по кабинету, стал диктовать текст для ЛИТО. Понимая всю глупость нашего диктанта, мы отвлекались, говорили о разном.

В конце 1960-х годов в подобных разговорах старались избе-

гать упоминаний имени А.И. Солженицына, доходили слухи, что его исключили из Рязанского отделения СП РСФСР. Тем не менее на вопрос Андрея Петровича, какое произведение более всего меня потрясло, не задумываясь, ответил: повесть «Один день Ивана Денисовича». Думаю, совместный текст для ЛИТО сблизил наши воззрения – мы свободно говорили на весьма опасные политические темы. Он сказал, что родился в Англии. А я с удовольствием цитировал подробности жизни учёных в Европе и Америке, которые почерпнул из книги Роберта Юнга. Потом на память прочёл свою «Сказку» – стихотворение, более похожее на поэму. Он обрадовался, попросил ещё раз прочесть начало, в котором звучало четверостишие: «И крокодиловой кожей / Виснет с дубов кора – / Помнят, наверное, тоже / Эти дубы царя...», и ещё строки, касающиеся царя-молоха Дальнего Востока: «От бухты Златого Рога / И до самой Камчатки / Носились его пироги, / Лёгкие, словно чайки...» Я понял, что «Сказка» зацепила его. Он спросил, есть ли у меня книжка стихов. Узнав, что издательство вернуло рукопись, искренне огорчился, и мы попрощались.

Всё устроилось как нельзя лучше, и часовая передача прошла великолепно. Перед эфиром Андрей Петрович дал мне вёрстку журнала «Наука и жизнь» со своими впечатлениями о путешествии по Африке, снабжённую фотографиями, и попросил высказать своё мнение.

Я предложил Андрею Петровичу после эфира проехать на нашем дежурном автобусе ко мне:

– Поужинаем, я прочту материал, и мы не торопясь поговорим, тем более на этот случай припасена бутылка «Столичной».

Мы весело переглянулись и поехали ко мне.

Сняв кожаный реглан, утеплённый меховым подстёгом, Андрей Петрович, испросив фартук, очень умело принялся чистить картошку, а я взялся читать его материал. Он сам отыскал на кухне самую большую сковородку, банки с мясной тушёной, и когда я закончил чтение, по всей квартире уже разносились вкусные запахи.

Мне понравился его материал и фотографии к нему, особенно **рыбная ловля в океане**. Голова окуня, словно голова зверя на плече Андрея Петровича, а хвост – тянется по песку.

Неожиданно выяснилось, что после окончания университета Андрей Петрович какое-то время находился в Англии и даже успел поработать в гимназии – преподавал географию.

– Наверное, зарплату у педагогов, как и у нас, не очень?! – сказал я. – Во всяком случае, доктор наук получает намного больше.

– Нет. Там всё по-другому. Например, квалифицированный рабочий «Боинга» в Америке зарабатывает значительно больше любого учёного.

Моё искреннее удивление побудило к открытости.

– Весь смысл в том, что учёный – это такой человек, ко-

торому позволено своё личное любопытство удовлетворять за счёт государства. Такая роскошь больше никому и нигде не позволяется!

Андрей Петрович произнёс эту сентенцию с такой внутренней радостью, что я почувствовал – он всем сердцем гордится своей принадлежностью к касте учёных.

– И во всём мире учёные такие?

– Да, – твёрдо сказал Андрей Петрович. – **Научные идеи интернациональны**. Они проходят через любые кордоны без всяких виз. Настоящий учёный – это золотой материал, принадлежащий всему человечеству.

Он на какое-то мгновение окинул меня отстранённым взглядом и, словно отвечая на какие-то свои мысли, сказал:

– Учёный, открывший новое, неизведанное, всегда будет стоять перед дилеммой: что предпочесть – национальные интересы или общечеловеческие? На шкале ценности интересов общечеловеческой, с какой стороны ни подходи к ним, предпочтительнее.

– Но там, где космополитизм, – там патриотизм невозможен.

Андрей Петрович не согласился со мной и в пример поставил своего отца.

– Вся его жизнь – это жизнь космополита и русского патриота своей Родины.

Андрей Петрович достал из нагрудного карманчика пиджака, висящего на кухонном стуле, визитку с адресом и номерами телефонов и, подав мне, сказал:

– Будете в Москве, позвоните, мы с Евгенией Александровной организуем для вас встречу с моим отцом, наши загородные дачи рядом.

ВЕЛИКИЙ ГЕОГРАФ, ФИЗИКА

он чувствовал себя в компании таких, как мы с Васей, хозяином положения.

Вася Нечунаев приподнял сетку, из которой горловинами во все стороны, словно ёжик, торчали бутылки с распротранённым тогда вином — «Солнцедар».

— Вот! Восемь бутылок прекрасного заграничного чернила, которым в Африке уже перетравили всех негров, а теперь взяли за нас. — Вася многозначительно ухмыльнулся. — Но русские не сдаются, мы и не такое побеждали.

Прибывшие явно были слегка навеселе.

— У меня гость, — предупредил я и окликнул Андрея Петровича.

Он вышел в фартуке и сразу заполнил всё пространство в прихожей.

— Знакомьтесь — Андрей Петрович, учитель географии из Панкрушихи.

Первым подал руку Александр Сергеевич Тресков, я представил его:

— Старший редактор художественной литературы Алтайского книжного издательства. Все писатели Алтая, в том числе и мы с Васей, без него — никуда. Александр Сергеевич — наше всё!

Красноречивый намёк на Пушкина моментально разрядил обстановку. Александр Сергеевич Тресков, припадая на ногу, как бы отскочил от Андрея Петровича.

— Это что? У нас в Панкрушихе ещё рождаются такие богатыри?! Богатыри земли Русской?!

Мы раздвинули стол в гостиной и с балкона, служащего естественным холодильником, быстро по-солдатски оформили стол. Андрей Петрович водрузил в центре стола огромную сковородку с жареной картошкой. Я расставил крупные гранёные стаканы. Александр Сергеевич взялся разливать, как мы тогда говорили, «питиё». Начал со «Столичной».

— Первому налью нашему гостю, географу, — объявил он. — Относительно Панкрушихи есть сомнения, а вот богатырю земли Русской — пожалуйста!

Он налил Андрею Петровичу полный стакан, что называется, с верхом. Мы с Васей, понимая, что мы здесь не главные, молчали. Потом он налил более чем полстакана себе и остаток нам с Васей. Пустую бутылку осторожно поставил под стол.

— Тост — за знакомство! И мой совет Слипенчуку — Виктор, брось свои всякие «Сказки».

Он кивнул на эстампы линогравюр однополчанина **Пети Кириллова** по моей поэме «Чингис-Хан», развешанные по стенам гостиной, которые я привёз из армии и которые мне очень нравились.

— Пиши марши — так ты быстрее издашь свою книгу.

Мы дружно выпили и закусили. Никогда не забуду чудесного вкуса той жареной картошки с тушёным мясом, той чудесной капусты ломтиками, завашенной моей женой **Галой**. Я достал из-под стола пустую бутылку и отнёс на кухню.

Когда вернулся, разговор шёл о маршах. Александр Сергеевич требовал, чтобы все, кто может писать стихи, писали бравурные марши. Они нужны нашей стране, нашему советскому народу. Лично он никогда не пропустит к изданию никаких «Сказок». Вася молчком, или, как мы говорили, «тихим сапом», наполнял стаканы «Солнцедаром». Стакан возле Андрея Петровича был перевернут кверху дном. Вася, увидев меня, вручил две опорожнённые бутылки. На моё удивление ответил, мол, ты ушёл и пропал. Я с бутылками опять удалился на кухню и опять решил покурить.

Второе моё пришествие никто не заметил. Александр Сергеевич рассказывал, какого огромного окуня он давеча поймал.

Андрей Петрович, усмехнувшись, сказал, что и ему однажды посчастливилось взять окуня **больше двух метров** — пришлось повозиться с ним.

Александр Сергеевич неожиданно рассвирепел, возвысив голос, перешёл на «ты»:

— Слушай, учитель, если ты будешь так со мною разговаривать, то я не посмотрю... и выброшу тебя в форточку!

Я взял с подоконника фотографию Андрея Петровича с окунем и подал Александру Сергеевичу. Он, взглянув, откинулся на спинку стула и отрезвел. Рассматривая фото, сказал, что это морской окунь.

— А я вам и не говорил, что поймал речного окуня.

Возникла напряжённая и трезвая, как стёклышко, пауза.

— Вы тут помыкаете писателями. Хотите, чтобы они у вас были на побегушках, а они — творцы нового времени. Им помогать надо, а вы — не пропусту! Виктор мне читал «Сказку» — хорошее, глубокое по смыслу произведение, заставляющее задуматься.

Мы с Васей сидели понуро, как провинившиеся. Нас ещё никто и никогда так напрямую не защищал перед издательством.

Андрей Петрович встал из-за стола, и я проводил его до гостиной. Мы обнялись, и он сказал, чтобы я обязательно позвонил ему, когда буду в Москве.

Живительная сила

Это было время, когда мы с Галой едва сводили концы с концами. Мне поставили в вину съёмку короткометражного фильма «Талисман». Директор Барнаульской телестудии угрожал **изгнанием**. «Без разрешения — кинофильм?! А что если бы Слипенчук снял фильм о баптистах и передал Америке?!» Моё положение было шатким. Я подумывал бросить всё и уйти в моря.

16 июля 1970 года я ждал голубую «Волгу», как условились по телефону, возле Киевского вокзала. И вдруг над массой народа, кипящего, клокочущего, появилась прекрасная вышпленная голова. Она возвышалась над всеми, и, видит бог, в тот момент я ощутил исходящую от неё такую живительную силу, что мне стало страшно — кто я, что я и зачем?!

Мы, приветствуя, пожалы руки, и Андрей Петрович повёл

меня к машине. Оказывается, они с женой ждали меня у других касс. Радужно улыбаясь, Евгения Александровна почти мужски сжала мою руку, и знакомство состоялось легко, просто, без всякой натянутости. Она вела машину, а я, слушая Андрея Петровича, рассказывающего о достопримечательностях Москвы, теперь находился во власти новых опасений.

Андрей Петрович Капица — сын знаменитого учёного, доктор, профессор, проведший несколько лет в Африке и Антарктике. Его жена — явная аристократка, водит машину. А кто я?! По-сути, колхозник, интеллигент в первом поколении, пытающийся стать писателем. О таких людях, как Капицы, мне доводилось читать только в романтических книгах. Я не знаю толком, в какой руке держать нож и вилку.

Мы приехали на дачу на Николиной Горе. Евгения Александровна заторопилась к строению среди высоких сосен, а мы с Андреем Петровичем подъехали к железной бочке и под завязку заправили машину.

— У вас тут Москва-река и всюду лес — райский уголок!

Научные идеи интернациональны. Они проходят через любые кордоны без всяких виз.

— Да, здесь замечательно, — подтвердил Андрей Петрович и предложил прогуляться. — Посмотрим две строящиеся дачи. Любопытно о них ваше мнение.

Мы пошли от ограды вправо по течению реки и вскоре увидели среди леса богатое строение, облицованное декоративным красным кирпичом, похожее на Дворец культуры. Возведение изгороди, тоже кирпичной, только-только начиналось — ворот ещё не было. Кучи песка и мраморной крошки, за которыми виднелись стоящие в линейку колёсные тракторы-бульдозеры, экскаваторы-погрузчики и всякая другая строительная техника какого-то московского СУ.

Я вошёл во двор и, чтобы уже окончательно составить мнение о строящемся объекте, залез на высокий цоколь и заглянул в окно. Пространство огромного зала украшала узорная мозаика паркета. На стенах между окнами красовались золотые бра, каждое с двумя светильниками. Зал выходил на широкую лестницу с металлическими держателями ковровой дорожки.

— Это, конечно, никакая не дача, — сказал я, подхожу к Андрею Петровичу. — Самый настоящий Дворец культуры.

— Нет, это дача.

— Ничего себе, живут же люди! — восхитился я, потому что не поверил, что это дача.

— Я вижу, ты в восторге, — усмехнулся Андрей Петрович. — Что ж, пойдём посмотрим ещё одну дачу.

Мы спустились к реке и пошли вверх по тропинке через кустарник и смешанный лес. Шли недолго, и всё же как-то не ожи-

данно лес закончился, мы оказались на сверхбольшой, в несколько гектаров поляне, вспаханной и прибитой строительными катками. В центре поляны, точнее, поля, окружённого лесом, стоял высокий отливашский золотом новый деревянный дом, напоминающий деревенскую избу. Огромный, без всяких украшений, он сиял благородством материала, гармонично с пространством соснового леса, как бы вдруг замершего в созерцании этого сияния.

— Ух ты! Прямо изба-читальня, — сказал я. — Правда, меня таким строением не удивишь, разве что огромностью, а так — сельский житель.

Андрей Петрович посмотрел на меня строго и прямо.

— Понимаешь, Виктор, кроме красоты городской, урбанистической, есть иная красота — **природная**, неброская, но от этого не менее привлекательная. Представляешь, по весне приехали пять вятских мужичков с топориками и за полтора месяца без единого гвоздика — одними топориками сотворили это «обыкновенное чудо!».

Много позже случайно узнал, что первая дача, похожая на Дворец культуры, принадлежит дочери Председателя Совмина СССР **А.Н. Косыгина** Людмиле. А сработанная вятскими мужичками «изба-читальня» — дочери греческого миллиардера **Онассиса** Кристине.

Между тем Андрей Петрович возобновил разговор о дачах:

— Дело не в том, что они удивляют своей огромностью. Важен подход к строительству на конкретной местности.

Я ничего не ответил, и он перевёл разговор. Спросил:

— Как поживает старший редактор Алтайского книжного издательства художественной литературы?

Вопрос меня отвлек и развеселил. Вспомнил, как поутру, когда я вошёл в комнату сына, на его кровати спал Александр Сергеевич Тресков. Спал в пиджаке и в ботинках, а Вася Нечунаев, согласно его положению студента-практиканта, под кроваткой, но без обуви — выгладывали его ноги в рваных носках.

Вася побежал в магазин за «питиём», а старший редактор стал допытываться, как он вёл себя вчера и кто такой учитель-богатырь.

— Был спор о рыбной ловле. Учитель из Панкрушихи, конечно, не из Панкрушихи — кто он?

— Андрей Петрович из Москвы, путешественник, доктор, учёный, сын физика Петра Леонидовича Капицы.

— Великого Капицы?! И что я ему сказал, споря с ним?

— Вы сказали, что выбросите его в форточку, и он ушёл.

— Выходит, я?!

Александр Сергеевич посмотрел на меня с такой виновностью и мукой, что у меня как бы оторвался кусочек сердца и медленно опустился в живот.

— Из этого абсолютно ничего не выходит. Был двенадцатый

час ночи, ему надо было быть в гостинице. Я его проводил — всё нормально.

— Виктор, — сказал Александр Сергеевич, взяв себя в руки. — Я вчера пришёл к тебе, потому что прочёл твою повестушку «Смеющийся пупсик», которую ты подал в альманах, и она мне понравилась. Если добавишь к ней свои короткие рассказы и зарисовки, я возьмусь быть твоим редактором и помогу издать первую книжку.

— Но я — поэт!

— Писатель **Василий Белов** тоже поступал в Литинститут как поэт — спроси у Нечунаева. А теперь пишет прекрасную прозу — «Привычное дело».

Александр Сергеевич улыбнулся, словно выпустил на волю золотую рыбку, и тут же построжел:

— Учителю из Москвы скажи, что я восхищаюсь его отцом — Великий Учёный — Человек! И ещё скажи, что тебе, Слипенчуку, я пообещал издать твою первую книжку.

Андрей Петрович выслушал мой рассказ с интересом, у нас обоих поднялось настроение. Он заметил:

— Имя моего отца идёт впереди, расширяет дорогу, помогает — вот и тебе помогло. Но бывает и по-другому.

Как бывает «по-другому», Андрей Петрович не стал объяснять. Но несколько лет спустя, когда он уже руководил **Дальневосточным отделением АН СССР** (ныне РАН), мне довелось с горечью узнать, что его «прокатили» — не избрали в академики, некоторые из которых, не стесняясь, утверждали, что вся его слава учёного — слава отца.

Сегодня мы знаем, что последнее географическое открытие XX века — **открытие древнего озера Восток в Антарктиде** во многом сделано им. И во многом благодаря его сейсмическим исследованиям (1959, 1964 гг.) наши учёные 5 февраля 2012 года вскрыли четырёхкилометровый ледниковый **панцирь**, накрывающий озеро Восток. Полученный при бурении ледяной керн заслуженно сравнивают с глубинным проникновением в космос, позволяющим исследовать погоду Земли за миллионы лет.

Учёный Андрей Петрович Капица не нуждается ни в чьей защите. Но теперь, когда прослойка интеллигенции практически исчезла и слово «интеллигент» заменяется словом «интеллектуал», пришло время изменить угол зрения на великие династии: учёных, политиков, спортсменов, артистов и так далее и так далее. Они — **корневая система государства**. Его живительная сила, величие которой надо ставить не в минус, а всегда в плюс их достойным продолжателям, каким был и остаётся Андрей Петрович.

Виктор СЛИПЕНЧУК,
Крым, пгт Черноморское,
19.06.2016

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru

Продолжение следует.